

УДК 340.1+34(091)

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО КАК ИДЕОЛОГА
«ПРЕДЪЕВРАЗИЙСТВА»**

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович

доктор юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской Академии наук, заведующий кафедрой адвокатуры и организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, г. Москва, Россия.

E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

МАСЛЕННИКОВ Дмитрий Владимирович

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных дисциплин Юридического института (Санкт-Петербург), г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: dwm61@inbox.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович

доктор юридических наук, профессор, главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: Fonduniver@bk.ru

**THEORETICAL AND
METHODOLOGICAL FOUNDATIONS
OF THE PHILOSOPHY OF LAW OF F.M.
DOSTOEVSKY AS AN IDEOLOGUE OF
"PRE- EURASIANISM"**

ZAKHARTSEV Sergey Ivanovich

Doctor of Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Bar and Organization of Law Enforcement Activities of the Russian State Social University, Moscow, Russia.

E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

MASLENIKOV Dmitry Vladimirovich

Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanitarian Disciplines of the Law Institute (St. Petersburg), St. Petersburg, Russia. E-mail: dwm61@inbox.ru

SALNIKOV Viktor Petrovich

Doctor of Law, Professor, Editor-in-Chief of the Journal "Legal Science: Past and Present", St. Petersburg, Russia.

E-mail: Fonduniver@bk.ru

Достоевский оценивается одновременно как основоположник русской философии права и как один из предшественников идеологии евразийства. Философское учение Достоевского о единстве субъективной и объективной форм всеобщей гармонии мира в сочетании с его учением об абсолютной свободе человека как оправдании этой гармонии может рассматриваться как теоретико-методологическое основание современной философии права и государства, отвечающей базовым принципам евразийства.

Ключевые слова: право, государство, философия права, рефлексия, евразийство, Достоевский.

Dostoevsky is estimated at the same time as the founder of Russian philosophy of law and as one of the predecessors of the Eurasian ideology. Dostoevsky's philosophical doctrine on the unity of subjective and objective forms of universal harmony of the world in combination with his doctrine of absolute freedom of man as an excuse for this harmony can be regarded as the theoretical and methodological basis of modern philosophy of law and state that meets the basic principles of Eurasianism.

Key words: law, state, philosophy of law, reflection, Eurasianism, Dostoevsky.

Выдающийся русский ученый-юрист и философ П.И. Новгородцев, сыгравший самую значительную роль в становлении идеологии евразийства, в своей статье «О своеобразных элементах русской философии права» говорил о Ф.М. Достоевском как о действительном ос-

новоположнике отечественной философско-правовой мысли [6, с. 510-512]. В этом можно видеть прямое указание на значение Ф.М. Достоевского не только как предшественника евразийства, о чем уже давно пишут современные исследователи [5, с. 32; 8; 9; 19], но и на актуальность его идей для разработки философско-правовой концепции, которая могла бы быть интегрирована в современную евразийскую геополитическую и философскую теорию.

Философию права Н.Н. Алексеева, которого принято считать разработчиком правовой концепции евразийства, мы не видим в этом качестве по целому ряду оснований, не подлежащих обсуждению в данной статье. Отметим лишь узкую и недостаточную для решения столь масштабной задачи теоретико-методологическую базу феноменологической традиции в постклассической философии, на которую опирался Н.Н. Алексеев. Лишь актуализация всего истинного содержания историко-философского процесса, возможность которой задается ее логической формой, выработанной И. Кантом, И.Г. Фихте и Г.В.Ф. Гегелем [10, с. 5-10; 3, с. 16-20], может быть соразмерной этой задаче. Достоевского мы видим продолжателем этой традиции классической философии, а также философом, вносящим в нее последний штрих, необходимый для достижения ею степени предельной определенности. А именно: В философии немецких классиков наука и научное мышление получили вполне определенный результат своего исторического развития, заключающийся в методе понимания всеобщего единства мира (точнее говоря: всеобщего единства мышления и бытия). Именно этот метод реализуется в монистическом понимании сущности права [2, с. 19; 20, с. 21-22]. Тем самым поставленная античными философами в начале истории философии проблема возможности мышления единого бытия была решена в ее исходе [18, с. 35-38]. Но после Гегеля этот результат для своей окончательной огранки должен быть дополнен еще и ответом на сократический вопрос: Что значит это единство и гармония для конкретного человека? История повторяется на новом витке: в дискурсе онтологической проблематики бытия должно быть раскрыто нравственное содержание человека. И эту проблему ставит и по-своему ее решает Ф.М. Достоевский [16, с. 72-77; 17, с. 190-196; 19, с. 72-77].

Для классической философии истинная мысль есть лишь мысль о бытии, а точнее: мысль бытия, полностью тождественная со своим объектом (Парменид) [3, с. 34-38]. Мысль о небытии и его формах: о лжи, зле, несправедливости, несвободе, не-праве и др., может означать лишь одно. А именно: свою собственную абсолютную отрицательность, полную негацию мысли. Таким образом, мысль о небытии можно зафиксировать только как рефлекссию абсолютной отрицательности мышления (и бытия). Рефлексия не есть мысль, хотя и составляет необходимый момент процесса мышления. Если специально исследовать с этой стороны форму рефлексии, то станет ясно, как может быть схвачено в мысли небытие и зло и (что самое главное), как оно может быть в этом схватывании удерживаемо, благодаря чему злу дается «видимость» небытия. В этой связи стоит отметить, что черт и у Ивана Карамазова, и у Адриана Леверкюна, также лишен субстанциальности, не является чем-то существующим, а есть лишь удерживаемый плод рефлексии их мышления. Великие художники точно зафиксировали сам способ «существования» субъекта зла. Отцы Церкви учили, что дьявол и бесы мертвы, ибо для них «падение» – это тоже, что смерть. Но их бессубстанциальность еще не означает их бессубъектности. Рефлексия – механизм присутствия в мире бессубстанциального субъекта. Поэтому не всякое содержание, наполняющее сознание человека, может быть названо мыслью в этом, высоком, смысле слова. Сознание человека в большинстве своем заполнено или пустыми грамматическими конструкциями, имитирующими понятие, или пустыми порождениями рефлексии, которые не имеют отношения к действительному бытию. Эту пустоту рефлексиирующего мышления Достоевский связывал с образами «фантастического», которые занимают очень важное место в его творчестве и которые противопоставляются действительному постижению истины.

Прежде всего – это образы «фантастического человека», начиная с «подпольного человека» и «логического самоубийцы» из «Дневника писателя». Источником их «фантастичности» является рефлексия, разделяющая мое эмпирическое Я и гармонию всеединства. Эта рефлексия оставляет необходимый момент мышления, поскольку гармония не будет всеобщей, если не охватит и мое рефлексирующее эмпирическое Я (об этом будет подробнее сказано ниже, когда речь пойдет о гегелевском понятии «всеобщего духа» в его философии религии). Но не преодоление этой разделенности за счет развития гармонии в моем духовном пространстве самовозрастающего Логоса, а ее удерживание и фиксация – вот выбор «фантастического человека» и этот выбор уже имплицитно заключает в себе смерть.

Мышление не является только индивидуальным процессом, воплощенным в продукты размышления. Человек реализует мышление и в произведениях искусства, и в архитектурных проектах, и в проектах геополитических, и в создаваемых им формах права и государства – то есть во всем объеме исторической человеческой практики (если, конечно, не понимать практику по-бэконовски). Поэтому от образов «фантастического» человека Достоевский поднимается до образов «фантастического» города, и «фантастического» государства...

Таким «фантастическим» городом писателю видится Петербург, о котором он говорил, как о «самом отвлеченном и умышленном городе на всем земном шаре. (Города бывают умышленные и неумышленные)». Фантастический, отвлеченный, «умышленный» город-мираж не возникает из жизни, из почвы, из движения истории (Позже О. Шпенглер предлагал присмотреться к Петербургу тому, кто хочет понять, чем были города «химерической» эллинистической культуры). И эта, не связанная с почвой бытия идея, получив видимость образа и формы, отравляет действительную почву, вносит начала смерти и тления в живую жизнь (для Достоевского смерть вовсе не является физиологическим актом, в известном смысле смерти вовсе нет; смерть – это процесс тления, что очень образно передано в рассказе о петербургском кладбище «Бобок»). В этом «фантастическом» и «умышленном» городе люди селятся в комнаты, напоминающие гробы («Преступление и наказание»), в пустоте которых гаснут мысли и зарождаются мертвые, но оттого не менее активные, бесы. Сам «умышленный» Петербург для Достоевского – это только образ, образ петровской России, в которой от почвы были оторваны целые сословия, породившие из себя людей, не знающих веры и истины, презирающих свой народ. Место живых мыслей бытия, сознание этих людей занимают фантастические идеи. Когда сознание заполняется этими идеями до отказа, человек переходит в состояние тления. Он – «бобок» при жизни, убийца и самоубийца [7, с. 257-266].

Фантастический Петербург порождает такую же «фантастическую» Россию, какой Достоевский видел ее в петровскую эпоху, основанную на подражании ею же выдуманной Европе – пустой мысли, идее, лишенной бытия. Из «Дневника писателя»: «О цивилизация! О Европа, которая столь пострадает в своих интересах, если серьезно запретить туркам сдирать кожу с отцов в глазах их детей! Эти, столь высшие интересы европейской цивилизации, конечно, – торговля, мореплавание, рынки, фабрики, – что же может быть выше в глазах Европы? Это такие интересы, до которых и дотронуться даже не позволяется не только пальцем, но даже мыслью, но – но «да будут они прокляты, эти интересы европейской цивилизации!». Это восклицание не мое, это воскликнули «Московские ведомости», и я за честь считаю присоединиться к этому восклицанию: да, да будут прокляты эти интересы цивилизации, и даже самая цивилизация, если, для сохранения ее, необходимо сдирать с людей кожу. Но, однако же, это факт: для сохранения ее необходимо сдирать с людей кожу!».

Активный антиевропоцентризм Достоевский, будучи убежденным и последовательным славянофилом, почвенником, выражал не только на эмоциональном уровне и не только в художественном творчестве. Концептуально он был близок к своему товарищу по делу петрашевцев Н.Я. Данилевскому, который систематически в своем учении об исторических типах обосновал исходную для евразийства идею принципиального различия цивилизационного

кода и исторической судьбы России и Европы. Согласно Данилевскому, Россия не относится к Европе, которую нужно трактовать не в географическом, а в культурно-историческом смысле: как культуру преимущественно романо-германских народов, связанных с наследием древней средиземноморской цивилизации. В письмах Достоевского имя Данилевского упоминается неоднократно с неизбежным уважением и выражением полного согласия с его учением. «Я от Страхова письмо тоже получил; много литературных новостей. Порадовало меня, между прочим, известие о статье Данилевского «Европа и Россия», о которой Николай Николаевич пишет как о капитальной статье. Признаюсь Вам, что о Данилевском я с самого 49-го года ничего не слыхал, но иногда думал о нем. Я припоминал, какой это был отчаянный фурьерист. И вот из фурьериста обратиться к России, стать опять русским и возлюбить свою почву и сущность! Вот по чему узнается широкий человек! Тургенев сделался немцем из русского писателя, – вот по чему познается дрянной человек» (Из письма А.Н. Майкову 11 декабря 1868 г.). Но наиболее полную оценку работе Данилевского писатель да в своем письме известному критику Н.Н. Страхову 18 марта 1869: «Статья же Данилевского, в моих глазах, становится всё более и более важною и капитальною. Да ведь это – будущая настольная книга всех русских надолго; и как много способствует тому язык и ясность его, популярность его, несмотря на строго научный прием».

Говоря о становлении единой славянской цивилизации, отличной от европейского романо-германского исторического типа, Н.Я. Данилевский, пожалуй, ошибался лишь в оценке перспектив общеславянского союза и переоценил значение славянского «братства», оставшегося, возможно, в глубокой древности, «во время Бусово». Насколько прозорливее выглядит в этой связи Достоевский, который в «Дневнике писателя» прямо говорил о том, что никакой славянский союз невозможен, что при первой возможности западославянские народы предадут Россию и вольются в ряды ее самых сильных ненавистников! А для начала постараются максимально отмежеваться от России и забыть о помощи, оказанной им.

Будущее России Достоевский видел не в общеславянском единстве, а утверждении ее влияния в пространствах бывшей империи Чингис-хана и бывшей Византии (даже с возможным переносом столицы в Константинополь). Миссия такой России состоит в том, чтобы сказать миру свое «слово», выразить идею, что станет смыслом и системообразующим началом российского государства. Тем самым Достоевский прямо предвосхищает ключевую мысль евразийства об «идее-правительнице»! О завершении петровской эпохи Достоевский пророчески писал: «Вы вот думаете, что будет все один Петербург продолжаться. Уж и теперь начинается местами протест провинциальной печати против Петербурга (да и не против Петербурга вовсе, а против вас же, усевшихся в Петербурге и в нем обособившихся) – и которая хочет что-то там сказать у себя новое».

Обратим внимание на это выражение: «и в нем обособившихся». Тема обособления, выпадения из единства народа, возникает у Достоевского всякий раз, когда он писал о потере человеком истины и в «Преступлении и наказании», и в «Бесах», и на страницах «Дневника писателя», посвященных либералам, «обособившимся» в своем Петербурге. Его герои заражены чисто гностической идеей разделения людей на «породы». Например, Раскольников с его представлениями о «человеке, дрожащей твари» и о «человеке, имеющем право». Или герой из «Дневника писателя»: ««Этого народ не позволит», – сказал по одному поводу, года два назад, один собеседник одному ярому западнику. «Так уничтожить народ!» – ответил западник спокойно и величаво. И был он не кто-нибудь, а один из представителей нашей интеллигенции. Анекдот этот верен». Преодоление этого отчуждения, осознание своего единства со всеединством народа, – единственный путь, избавляющий от смерти, от убийства и самоубийства, неизбежного при таком выборе своего обособления от бытия. Это преодоление может быть и в юродствующем жесте «покаяния»

на Сенной площади, и в долгом процессе самопреображения на каторге, куда Достоевский отправляет по хорошо известной ему дороге своего героя.

Начиная с Сократа, классическая философия учит, что действительное объединяющее людей начало – истина. По Достоевскому, эту истину уже несет в себе народ в сокровенном виде. Эта истина – Христос, а народ ее знает через реальную историческую связь со своими подвижниками, имевшими опыт реального Богообщения. Для человека важно приобщиться этой истине в опыте своей жизни с народом. Для государства же важно понять и выразить эту истину, открыв ее для мира. Достоевский верил, что с окончанием петербургского периода истории Россия («Не Петербург же разрешит окончательную судьбу русскую», – риторически спрашивал он.) Россия выполнит свое предназначение в мире: скажет ему свое «нравственное слово», слово об истине Христа-Бога. Таким образом, мы опять приходим к тому, что для Достоевского идея бытия, жизни и путь избавления от бесовских миражей и от состояния «Бобка» был связан с именем Христа и Его свободы. «Свобода – системообразующая категория мышления Ф.М. Достоевского» [1, с. 120]. Таким образом, идея всеединства как основания истины и развития человека, общества и государства сопрягается у Достоевского с теодицеей – учением о всеобщей субстанциальной свободе человека как оправдании его гармонии с миром [3, с. 97-110]. Собственно, это «нравственное слово» и есть то, что было названо действительной «мыслью бытия». Это не какое-то суждение или «фокусническая фраза» (которой, по удачному выражению Ф. Энгельса, не может быть доказана конкретность тождества мышления и бытия), изобретенная рассудком отдельного человека. Это «нравственное слово» – то знание истины, которое выработал в себе народ в процессе всей своей истории, накапливающей опыт подвижничества, самопреодоления и развития. Это – та самая «русская идея», которая, по словам В.С. Соловьева, есть то, что Бог думает о нации в вечности.

«Слово» это, открывающее миру особенное русское знание о Христе, должно быть, по Достоевскому, выражено в каждой из возможных форм практического действия, обращенных к миру, включая и справедливую внешнюю политику: «Для всякого русского это не может и не должно составлять вопроса. Россия поступит честно – вот и весь ответ на вопрос. Пусть в Англии первый министр извращает правду пред парламентом из политики и сообщает ему официально, что истребление шестидесяти тысяч болгар произошло не турками, не башибузуками, а славянскими выходцами, – и пусть весь парламент из политики верит ему и безмолвно одобряет его ложь: в России ничего подобного быть не может и не должно. Скажут иные: не может же Россия идти во всяком случае навстречу явной своей невыгоде? Но, однако, в чем выгода России? Выгода России именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости» («Дневник писателя»). Именно идея справедливости должна лежать в основании и государственности, и права, и геополитики России [4, с. 10-14; 11, с. 47-52; 12, с. 15-17; 13, с. 58-66; 14, с. 192-196; 15, с. 16-22].

Задача современной философии права, ориентированной на эти принципы евразийства (или «предъевразийства») Достоевского, нам видится в том, чтобы выявить основные метафизические предпосылки синтеза идеи права, исходя из моментов идеи свободы [19, с. 72-75]. Решение этой задачи невозможно без Достоевского, поскольку никто как Достоевский так остро и убедительно не выявил напряженный потенциал идеи абсолютной свободы человека в определении сущности и смысла бытия. Именно этот потенциал реализовался в логической форме в немецкой классической философии. Поэтому обращение к Достоевскому необходимо для того, чтобы получить необходимый ракурс для адекватной интерпретации немецкой классики как метафизического источника идеи права, основанной на идее абсолютной свободы, и реализовать его применительно к задачам государственного строительства России как евразийской державы.

Библиографические ссылки

1. Богатырев Д.К. Религия и идеология. СПб. : РХГА, 2019.
2. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука : монография. М. : Юрлитинформ, 2019.
3. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М. : Юрлитинформ, 2019.
4. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX-XXI вв.) : монография. СПб. : Фонд «Университет», 2017.
5. Исмагилов Р.Ф. Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права : курс лекций / вступ. статья В.П. Сальникова и Д.В. Масленникова. СПб. : Фонд «Университет», 2017.
6. История философии права : монография / А.П. Альбов и др. ; отв. ред.: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. СПб. : Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
7. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении / под ред. А.В. Гулыги ; пер. с нем. И.С. Андреевой. М. : Республика, 1996.
8. Лесевицкий А.В. Евразийский концепт Ф.М. Достоевского // Общество и этнополитика : материалы седьмой Международной научно-практической интернет-конференции. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Сибирский институт управления / под науч. ред. Л.В. Савинова. Новосибирск : Сибирская академия государственной службы, 2015. С. 284-291.
9. Лесевицкий А.В. Ф.М. Достоевский как предшественник евразийства : монография. Пермь : ОТ и ДО, 2013.
10. Линьков Е.С. Становление логической философии // Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Ч.1. Объективная логика. Ч.2. Субъективная логика / подгот. изд.: Д.В. Масленников ; авт. вступ. ст. Е.С. Линьков. СПб. : Наука, 1997. С. 5-16.
11. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. 2012. № 11. С. 47-66.
12. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. 2015. № 7. С. 11-18.
13. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. 2015. № 9. С. 58-68.
14. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. 2015 № 38 (48). С. 192-198.
15. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 3 (41). С. 16-22.
16. Сальников В.П., Масленников Д.В. Философия права Ф.М. Достоевского как источник развития теории российского государства и права // Проблемы статуса современной России: историко-правовой аспект : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 5–6 апреля 2018 г.) / отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. Уфа : РИЦ БашГУ, 2018. С. 72-79.

17. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И. Ф.М. Достоевский: онтологические и этические основания философии права (рецензия на работу Р.Ф. Исмагилова «Философское наследие Ф.М. Достоевского и его влияние на развитие философии права: цикл лекций») // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 7. С. 190-197.
18. Сальников В.П., Масленников Д.В. Институты права в идее абсолютного Добра // Государственно-правовые институты современного общества : сборник статей к Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Республики Башкортостан (г. Уфа, 14 декабря 2018 г.) / отв. ред. Ф.М. Раянов. Уфа : БашГУ, 2018. С. 32-40.
19. Сеитов М.М. «Предъевразийство» Ф.М. Достоевского: истоки и художественное воплощение : дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2010.
20. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018.

References

1. Bogatyrev D.K. *Religiya i ideologiya (Religion and ideology)*. St. Petersburg, RKHGA, 2019.
2. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. *Filosofiya i yuridicheskaya nauka (Philosophy and legal science: monograph), monografiya*. Moscow, Yurlitinform, 2019.
3. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. *Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoyevskiy. K voprosu o spekulativno-logicheskikh osnovaniyakh metafiziki prava (Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. to the question of speculative logical foundations of metaphysics of law)*. Moscow, Yurlitinform, 2019.
4. Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. *Pravo i spravedlivost': istoricheskiye traditsii i sovremennyye modeli (Istoriko-pravovoy analiz teoreticheskikh issledovaniy aktual'nykh voprosov otnosheniya idei prava i idei spravedlivosti v XX-XXI vv.) (Law and justice: historical traditions and modern models (Historical and legal analysis of theoretical studies of topical issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the XX-XXI centuries), monografiya*. St. Petersburg, Fond «Universitet», 2017.
5. Ismagilov R.F. *Filosofskoye nasledie F.M. Dostoyevskogo i yego vliyaniye na razvitiye filosofii prava (Philosophical heritage of F. M. Dostoevsky and his influence on the development of philosophy of law), kurs lektsiy, vstup. stat'ya V.P. Sal'nikova i D.V. Maslennikova*. St. Petersburg, Fond «Universitet», 2017.
6. *Istoriya filosofii prava (History of philosophy of law), monografiya*, A.P. Al'bov i dr., отв. red.: A.P. Al'bov, D.V. Maslennikov, V.P. Sal'nikov. St. Petersburg, Yuridicheskiy institut (Sankt-Peterburg), Sankt-Peterburgskiy un-t MVD Rossii, 1998.
7. Laut R. *Filosofiya Dostoyevskogo v sistematicheskom izlozhenii (Philosophy of Dostoevsky in a systematic presentation), pod red. A.V. Gulygi, per. s nem. I.S. Andreyevoy*. Moscow, Respublika, 1996.
8. Lesevitskiy A.V. *Yevraziyskiy kontsept F.M. Dostoyevskogo (Eurasian concept of F. M. Dostoevsky). Obshchestvo i etnopolitika, materialy sed'moy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy internet-konferentsii. Rossiyskaya akademiya narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente RF, Sibirskiy institut upravleniya, pod nauch. red. L.V. Savinova*. Novosibirsk, Sibirskaya akademiya gosudarstvennoy sluzhby, 2015, pp. 284-291.
9. Lesevitskiy A.V. *F.M. Dostoyevskiy kak predshestvennik yevraziystva (F. M. Dostoevsky as a predecessor of Eurasianism), monografiya*. Perm', OT i DO, 2013.
10. Lin'kov Ye.S. *Stanovleniye logicheskoy filosofii (The formation of logical philosophy). Gegel' G.V.F. Nauka logiki. Ch.1. Ob'yektivnaya logika. Ch.2. Sub'yektivnaya logika, podgot. izd.: D.V. Maslennikov, avt. vstup. st. Ye.S. Lin'kov*. St. Petersburg, Nauka, 1997, pp. 5-16.
11. Sal'nikov M.V. *Geopoliticheskiye, ekonomicheskkiye i sotsio-kul'turnyye faktory v kontekste stanovleniya i dinamiki razvitiya natsional'noy politiko-pravovoy traditsii v Rossii (Geopolitical,*

economic and socio-cultural factors in the context of the formation and dynamics of the development of the national political and legal tradition in Russia). *Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki*, 2012, No. 11, pp. 47-66.

12. Sal'nikov V.P., Zhdanov P.S., Sal'nikov M.V., Romanovskaya V.B. Russkaya religioznaya filosofiya prava kak zashchita natsional'nykh tsennostey ot inokul'turnoy ekspansii (Russian religious philosophy of law as the protection of national values from foreign cultural expansion). *Mir politiki i sotsiologii*, 2015, No. 7, pp. 11-18.

13. Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B. Sal'nikov M.V., Romanovskaya L.R. Pochemu na Vo-stok: povorot Rossii v sovremennom politiko-pravovom prostranstve (Why to the East: The turn of Russia in the modern political and legal space). *Pravovoye pole sovremennoy ekonomiki*, 2015, No. 9, pp. 58-68.

14. Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B., Sal'nikov M.V., Romanovskaya L.R. «Russkiy povo-rot» v politiko-pravovom diskurse ("Russian turn-around" in political and legal discourse). *Uchenyye zapiski yuridicheskogo fakul'teta*, 2015, No. 38 (48), pp. 192-198.

15. Sal'nikov V.P., Sal'nikov M.V., Romanovskaya V.B., Romanovskaya L.R. Natsional'naya ideya ili pravovoye gosudarstvo cherez prizmu natsional'nykh interesov (National idea or the rule-of-law state through the prism of national interests). *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, No. 3 (41), pp. 16-22.

16. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V. Filosofiya prava F.M. Dostoyevskogo kak istochnik razvitiya teorii rossiyskogo gosudarstva i prava (Philosophy of law of F.M. Dostoevsky as a source of development of theory of Russian state and law). *Problemy statusa sovremennoy Rossii: istoriko-pravovoy aspekt* : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Ufa, 5–6 aprelya 2018 g.), otv. red. F.KH. Galiyev. V 2-kh ch. Ch. 1. Ufa, RITS BashGU, 2018, pp. 72-79.

17. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V., Zakhartsev S.I. F.M. Dostoyevskiy: ontologicheskiye i etich-eskiye osnovaniya filosofii prava (retsenziya na rabotu R.F. Ismagilova «Filosofskoye nasledie F.M. Dostoyevskogo i yego vliyaniye na razvitiye filosofii prava: tsikl lektsiy») (F. M. Dostoevsky: ontological and ethical foundations of philosophy of law (Review of the work by R.F. Ismagilov "The philosophical legacy of F. M. Dostoevsky and his influence on the development of philosophy of law: series of lectures"). *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2017, No. 7, pp. 190-197.

18. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V. Instituty prava v ideye absolyutnogo Dobra (Law Institutions in the Idea of Absolute Good). *Gosudarstvenno-pravovyye instituty sovremennogo obshchestva*, sbornik statey k Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchenoy 100-letiyu Respubliki Bashkortostan (g. Ufa, 14 dekabrya 2018 g.), otv. red. F.M. Rayanov. Ufa, BashGU, 2018, pp. 32-40.

19. Seitov M.M. «Pred"yevraziystvo» F.M. Dostoyevskogo: istoki i khudozhestvennoye voploshcheniye ("Pre-Eurasianism" by F.M. Dostoevsky: origins and artistic embodiment), dis. ... kand. filol. nauk. Magnitogorsk, 2010.

20. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018.

Дата поступления: 02.02.2019

Received: 02.02.2019